

German Colonies of St. Petersburg Province: Appearance and Development in 1765–1800s

Vladimir N. Shaidurov (a) & Olga V. Erokhina (b)

a) Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia; Mamun-University.
 Khiva, Uzbekistan. Email: s-w-n[at]mail.ru

b) Moscow Pedagogical State University; Bauman Moscow State Technical University.
 Moscow, Russia. Email: ov.erokhina[at]mpgu.su

Received: 20 September 2022 | Revised: 23 October 2022 | Accepted: 4 November 2022

Abstract

Russia of the 18th – 19th centuries faced a crucial challenge of sparsely populated suburbs consolidation through their economic development. Acute shortage of work force to be involved for transformation of Novorossiia, the steppes of the North Caucasus and the Middle Volga region, Siberia and some other regions into the centers of commodity agriculture and industrial production, forced the authorities to turn to the use of European experience and place a bet on foreign colonization. Central Europe, devastated by the Seven-Year War, brought to life tens of thousands of potential colonists, who answered the call of Empress Catherine the Great to move to the unoccupied lands of the Russian Empire. Since 1765, the first colonies (Novo-Saratovka, Srednaya Rogatka, Yamburg and Izhora colonies) were formed near St. Petersburg. Investigation of the history of these settlements in the imperial period is extremely poor in modern historiography. The article examines the initial period of their existence (1765 – 1800s). It took about 30 years for German colonists to adapt to new living conditions. Some colonies (Srednaya Rogatka) became centers of commodity production of agricultural products (potatoes, etc.), sold in the capital-city market, at the beginning of the 19th century already. Experiments on the advanced multi-field system implementation, initiated by Semyon Dzhunkovsky, opened the way to increase productivity and income of the colonists. The new crop rotation system spurred into popularity not only in the colonies, but in the neighboring settlements of Russian peasants as well. The article is intended for specialists engaged in the study of agrarian development, ethnic minorities of Russia in the imperial period.

Keywords

Russian Germans; St. Petersburg; Foreign Colonization; Catherine II; St. Petersburg Colonies; Economic Modernization; Agriculture; Crop Turnover; Multi-Field; Integration

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765 – 1800-х гг.

Шайдуров Владимир Николаевич (а), Ерохина Ольга Викторовна (б)

а) Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Санкт-Петербург, Россия; Университет-Маъмуна. Хива, Узбекистан. Email: s-w-n[at]mail.ru

б) Московский педагогический государственный университет;

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Москва, Россия. Email: ov.erokhina[at]mpgu.su

Рукопись получена: 20 сентября 2022 | Пересмотрена: 23 октября 2022 | Принята: 4 ноября 2022

Аннотация

В XVIII – XIX вв. перед Россией стояла важная задача: закрепление слабозаселенных окраин через их хозяйственное освоение. Острая нехватка рабочих рук, которые можно было привлечь для превращения Новороссии, степей Северного Кавказа и Среднего Поволжья, Сибири и некоторых других регионов в центры товарного сельского хозяйства и промышленного производства, заставила власти обратиться к использованию европейского опыта и сделать ставку на иностранную колонизацию. Разоренная Семилетней войной Центральная Европа дала десятки тысяч потенциальных колонистов, откликнувшихся на призыв императрицы Екатерины Великой переселиться на свободные земли Российской империи. С 1765 г. первые колонии (Ново-Саратовка, Средняя Рогатка, ямбургские и ижорские колонии) были образованы вблизи Санкт-Петербурга. В современной историографии история этих поселений в имперский период изучена крайне слабо. В статье рассмотрен начальный период их существования (1765 – 1800-е гг.). Около 30 лет потребовалось немецким колонистам для адаптации к новым условиям жизни. Уже в начале XIX в. некоторые колонии (Средняя Рогатка) стали центрами товарного производства сельскохозяйственной продукции (картофель и пр.), которая реализовывалась на столичном рынке. Попытки по внедрению модернизированной системы многополья по инициативе Семена Джунковского позволили увеличить урожайность и доходы колонистов. Новая система севооборота быстро завоевала популярность не только в колониях, но и соседних поселениях русских крестьян. Статья рассчитана на специалистов, занимающихся изучением аграрного развития, этнических меньшинств России в имперский период.

Ключевые слова

русские немцы; Санкт-Петербург; иностранная колонизация; Екатерина II; петербургские колонии; экономическая модернизация; сельское хозяйство; севооборот; многополье; интеграция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Экономическое развитие Европы в Новое время во многом диктовалось доминированием определенной парадигмы. Так, XVII в. в значительной мере прошел под знаком меркантилизма. На развитие внешней торговли с положительным сальдо делал ставку и Петр Первый. Однако в первой половине XVIII в. в европейских странах на смену меркантилистам пришли физиократы, которые в своих произведениях настойчиво продвигали мысль, что национальное богатство формируется не столько за счет торговли, сколько посредством развития производственных отношений.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые Россией при проведении Петровской экономической модернизации, страна сохраняла свой преимущественно аграрный статус: подавляющее большинство населения проживало в деревне и было связано с производством сельскохозяйственных товаров.

Уже во времена Елизаветы Петровны были предприняты первые шаги по хозяйственному освоению южных степей с помощью сербских колонистов. В частности, предполагалось создать своего рода военные поселения Сербского полка под командованием полковника Хорвата. Однако в полной мере идея привлечения в Россию иностранцев для внутренней колонизации окраинных слабозаселенных районов была реализована при Екатерине Второй и ее преемниках. В результате в Среднем Поволжье, Новороссии, на Северо-Западе появились поселения немецких колонистов, ставших неотъемлемой частью немецкого мира Российской империи и внесших существенный вклад в хозяйственное развитие как отдельных регионов, так и страны в целом.

Источники и методы

Цель статьи – изучение истории так называемых «ближних» петербургских колоний, в которых проживали немецкие колонисты. Основное внимание будет уделено начальному периоду (1765 – 1800-е гг.).

Иностранная колонизация, начало которой было положено манифестами 1762 и 1763 гг., и в ходе которой появились многочисленные немецкие колонии, стала продолжением Петровской модернизации экономического уклада России. Ее изучение, как нам представляется, следует вести с позиций методологического синтеза теорий модернизации, фронта и колонизации в современном их прочтении.

При работе над статьей были использованы как опубликованные так и архивные документы. К первым относятся законодательные акты, вошедшие в первое издание Полного собрания законов Российской империи. Нормативно-правовая документация позволяет выявить отношение властей к немецким колонистам вблизи столицы. В некоторых из них определяются принципы реализации фискальной политики. Ко вторым нами отнесены документы, отложившиеся в фонде Первого Департамента Министерства государственных

имущества Российского государственного исторического архива (Ф. 383). Различные по своему содержанию делопроизводственные материалы (ведомости о благосостоянии, записки о различных колониях, контракты колонистов с представителями власти, отношения и пр.) позволяют выявить особенности формирования и развития колоний на протяжении первых 40-45 лет их существования.

Широкий круг источников предопределил использование различных общенаучных и узкоспециальных исследовательских методов (проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-описательный, статистический и пр.).

Петербургские немцы в зеркале историографии

Единичные публикации об историческом прошлом Санкт-Петербургских колоний стали появляться в начале XX в. В условиях набиравшей влияние борьбы с «немецким засильем», отразившейся, например, в публикациях А.А. Велицына (псевд. А.А. Палтова) (Велицын, 1893), следует особо обратить внимание на небольшую брошюру, подготовленную Акселем фон Гернетом на немецком языке и затем напечатанную на русском языке (Гернет фон, 1910). Беспристрастному и сухому изложению краткой истории колонии предшествует авторское отношение к России XVIII в.:

«Культурно отсталая Россия была вынуждена в течение столетий пользоваться услугами западно-европейских ученых, техников и ремесленников. Петр начал привлекать эти элементы большими массами, и с того времени иммиграция приняла систематический характер. Императрица Екатерина II ... пришла к мысли заселить огромные окраины своего необозримого царства земледельцами с запада, рассчитывая, таким образом, насадить культуру в этих пустынных областях» (Гернет фон, 1910, 1).

Представив читателю сведения об основании, развитии колонии, социальной жизни ее членов, автор в заключении пришел к выводу, что главная цель Екатерины II в итоге была достигнута: одна из немецких колоний в окрестностях столицы успешно развивалась и имелись все предпосылки к дальнейшему ее процветанию (Гернет фон, 1910, 15).

В 1920-1930-х гг. немецкое население Северо-Запада представляло научный интерес для этнографов и лингвистов. В немногочисленных работах этого периода его историческое прошлое фактически не рассматривалось (Янсон, 1929, 19, 49-50; Сакс, 1931).

Лишь на рубеже 1980-1990-х гг. в рамках изучения этнической истории на постсоветском пространстве стали появляться многочисленные публикации по истории российских немцев. Некоторые современные авторы неверно трактуют сам факт этого явления, заявляя, что активному возрождению исследовательского интереса к истории и культуре российских немцев «способствовала возможность изучать ранее закрытые фонды» (Пузейкина, 2013, 16).

Архивные фонды, которыми отечественные и зарубежные историки стали активно пользоваться, были не закрыты. Изучение репрессированного народа в научных центрах по сути было табуировано. Бывали случаи, когда у исследователя, работающего над немецкой тематикой, в конце рабочего дня в архиве удаляли «недозволенный» материал. По свидетельству А.А. Германа, критериев оценки «секретности» материалов никто не объяснял (Герман, 2021, 210-211).

Некоторые авторы вынуждены были использовать наиболее обтекаемые формулировки, за которыми скрывалась история немцев России. Например, так поступал исследователь Л.В. Малиновский. Именно поэтому документы региональных архивохранилищ по данной тематике в меньшей степени были востребованы учеными. Их открытие пришлось на 1990-начало 2000-х гг., о чем свидетельствуют многочисленные публикации в научно-информационном бюллетене «Российские немцы»¹ (под ред. Т.Н. Черновой-Дёке), издававшимся Международным союзом немецкой культуры.

На общем фоне изучения немцев России петербургская / петроградская общность выглядит очень бледно. В значительной степени, как нам кажется, это связано с влиянием «Большого города», в тени которого она оказалась. В историографии можно найти гораздо больше публикаций, например, об ученых, чем о колонистах и городских обывателях немецкого происхождения Санкт-Петербурга и губернии. О слабой изученности истории петербургских немцев в досоветский период свидетельствует наличие лишь одной кандидатской (Бахмутская, 2002), нескольких статей отдельных авторов (Шрадер, 1989; Шрадер, 1998; Князева, 1998; Бахмутская, 1998).

Следует остановиться на диссертационном исследовании Е.В. Бахмутской (Бахмутская, 2002). Данная работа была подготовлена на рубеже 1990-2000-х гг., что нашло свое отражение в содержательной части. Автор большое внимание уделяет формальной стороне истории петербургских немецких колоний в дореформенный период. Многие аспекты оказались вне поля зрения исследователя, что можно объяснить узостью источниковой базы и ориентацией преимущественно на нормативно-правовые акты и документы Министерства государственных имуществ, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Так, в работе не нашлось места факту включения помещиков столичной губернии в приглашение колонистов и поселение их на частновладельческих землях. Рассуждая о землевладении, автором за рамками был оставлен факт проживания колонистов в первой половине XIX в. уже не на казенных, на удельных землях, владельцами которых были некоторые представители Императорской фамилии, например, Великий Князь Константин Павлович (1779 – 1831 гг.). Поверхностно представлена и хозяйственная жизнь колоний. Вне поля зрения остался факт смычки колонистов и ремесленных цехов Санкт-Петербурга. Хотя именно ремесленниками,

¹ С 1995 г. издавалось под названием «Научно-информационный бюллетень». С 25 номера 2001 г. появилось название «Научно-информационный бюллетень «Российские немцы».

как свидетельствуют сохранившиеся документы, зачастую становились те из поселенцев, которые при разделе наследства оказывались безземельными.

Буквально несколько слов о появлении немецких колоний под Санкт-Петербургом мы находим в неоднократно переизданной монографии И.Р. Плеве «Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в.». В частности, автор отмечал, что в 1765-1766 гг. в окрестностях столицы появилось несколько немецких колоний (Плеве, 2008, 92).

В немногочисленных публикациях 2010-х гг. на фоне юбилейных дат представлена история отдельных колоний. Наибольший интерес привлекает Стрельна. История Стрельнинской колонии представлена в некоторых публикациях И.В. Черказьяновой (Черказьянова, 2010).

Крайне поверхностно история петербургских немцев представлена и в зарубежной, преимущественно немецкоязычной, историографии (Stumpp, 1965; Fleischhauer, 1986; Einfeld, 1992; Bade von, 1992; Stricker von, 1997). В работах общего содержания авторы ограничивались преимущественно упоминанием о том, что в окрестностях Санкт-Петербурга во второй половине 1760-х гг. были поселены десятки семей немецких колонистов. Однако отсутствие широкого круга репрезентативных источников не позволило представить особенности формирования и развития данной части российских немцев.

Отдельные упоминания в колонистах можно встретить в работе М. Буш, посвященной немцам Санкт-Петербурга в пореформенный период (Busch, 1995).

Имеющаяся на сегодняшний день источниковая база позволяет более предметно рассмотреть немецкие колонии в окрестностях Санкт-Петербурга, а сравнение полученных данных с материалами по поволжским, причерноморским, лифляндским колониям позволит выявить специфические черты их возникновения и развития в последней трети XVIII в. – начале 1870-х гг.

Особенности образования и развития «ближних» колоний

В первые же годы своего правления императрица Екатерина Вторая (1762 – 1796 гг.) обратилась к проблемам внутренней колонизации. Понимая невозможность использования в условиях крепостнической России собственные людские резервы, она обратила внимание на иностранцев. Манифест от 4 декабря 1762 г., с одной стороны, подтвердил преимущество с мероприятиями, проводившимися в царствование Елизаветы Петровны по заселению южных районов выходцами с Балкан, а с другой – стал краеугольным камнем в будущей кампании по переселению в Россию иностранных колонистов во второй половине 1760-х – 1810-е гг.

Манифесты 1762 – 1763 гг., призывавшие иностранцев переселяться в Россию, имели большой резонанс в германском мире. Разоренные Семилетней войной княжества в этот период дали наибольшее число колонистов.

Исследователи отмечают, что уже в первые годы (1763-1766 гг.) из Европы по суше и морским путем прибыло более 30 тыс. колонистов (Плеве, 2008, 91). Большая часть прибывших иностранцев была отправлена по Волге. В результате возникли многочисленные колонии, входившие к середине XIX в. в состав Саратовской и Самарской губерний. Лишь немногим удалось поселиться в окрестностях столицы. Но, как покажет история, их положение было не менее тяжелым, чем поволжских поселенцев. Некоторые же из них уже в конце XVIII в. заявили о своем желании переселиться в Новороссию.

В течение 1765 – 1766 гг. в окрестностях Санкт-Петербурга было основано несколько колоний. Этот процесс изначально находился под жестким контролем местных и центральных властей. Особо следует указать на управляющего Царским Селом надворного советника Федота Владимировича Удалова (1722-1776 гг.) и действительного камергера, одного из учредителей и члена Императорского Вольно-Экономического общества Вильгельма-Рейнгольда фон Польмана (1727-1795 гг.), тесно связанного с Григорием Орловым. Именно с ними были заключены контракты прибывшими в Россию немцами, определившие как права и обязанности новоявленных колонистов, так и принципы жизни колоний, их место в системе Российского государства. Удалов оформил контракты с ново-саратовскими и ябургскими поселенцами, фон Польман – ижорскими и средне-рогатскими (РГИА, 1797-1807, лл. 13-24). Уже сам факт участия разных лиц в обустройстве иностранных колоний в окрестностях столицы свидетельствовал об имевшихся между поселениями различиях. Некоторые из них можно отметить в текстах заключенных контрактов.

В 1765 г. именным указом Екатерины Второй управляющему Царскосельской вотчинной конторой Ф. Удалову было поручено изыскать земли, которыми ни крестьяне, ни Казна не пользовались (РГИА, 1797-1807, л. 2). Так, в контракте с ново-саратовскими поселенцами отмечалось, что для их поселения предоставляется «ведомства [Царскосельской] вотчинной конторы пустопорожная на Выборгской стороне на Неве реке в 16 верстах от Санкт-Петербурга лежащая земля» (РГИА, 1797-1807, л. 13). Этим же актом было декларировано наделение колонистов землей в размере 35 дес., включая пашню, покос, выгон и лес (РГИА, 1797-1807, л. 13). Здесь же был определен и формат прав на нее: она была объявлена вечным наследственным владением, а потому колонистам ее «ни продавать, ни закладывать, ни менять не дозволено» (РГИА, 1797-1807, л. 13). Подобным образом земельный вопрос был решен и применительно к ябургским колонистам (РГИА, 1797-1807, л. 19).

В это же время фон Польман от имени Короны заключил контракты с ижорскими и средне-рогатскими колонистами. В них имелось одно существенное отличие. Если в предыдущих случаях была соблюдена прописанная в манифесте от 22 июля 1763 г. норма земельного надела, то в этом случае она была уменьшена до 30 дес. всех угодий (РГИА, 1797-1807, лл. 16, 17).

При этом следует обратить внимание на факт не номинального выделения земель для колоний, а на их фактический размер (см. табл. 1). Именно от этого во многом зависел характер дальнейшего развития поселения.

Ижорские колонии		Ново-Саратовка		Средняя Рогатка		Ямбургские колонии	
По контракту (удобной)	Фактически (всех земель)	По контракту (удобной)	Фактически (всех земель)	По контракту (удобной)	Фактически (всех земель)	По контракту (удобной)	Фактически (всех земель)
840	2539	2193	2192	660	566	3237	2924

Таблица 1. Земли немецких колоний под Санкт-Петербургом, дес. (РГИА, 1797-1807, лл. 2 об., 6 об., 8 об., 10, 11)

Table 1. Lands of German colonies near St. Petersburg, des. (RSHA, 1797-1807, fol. 2 ob. 6 ob. 8 ob. 10, 11)

В большинстве случаев удобной земли в обмежованных дачах было меньше, чем это было оговорено в контрактах. Так, из 566 дес., выделенных царскосельским (средне-рогатским) колонистам, удобной земли было лишь 523 дес., что было на 20% меньше требуемого. Как видно из приведенных данных, лишь в одном случае с ижорскими колонистами власти выполнили взятые на себя обязательства (из 2539 дес. земли 2379 дес. были признаны удобными для хозяйственного использования). Но, как отмечалось в описании колонии за 1797 г., «им отмежовано было под названием удобной 1340 десятин, из которой малая токмо часть способна к хлебопашеству» (РГИА, 1797-1807, л. 86 об.). Существенный недостаток удобных земель в колониях, с одной стороны, не позволял принимать в них новых иностранных переселенцев, а с другой – препятствовал выделению новых хозяйств внутри подворно организованных поселений.

Не только пашенной земли не хватало. Колонисты испытывали большие сложности с обеспечением строевым и дровяным лесом. Так, средне-рогатские поселяне могли рубить строевой лес только на собственном семейном участке, продавать его на сторону они не имели права. Дровяной лес рубили только в феврале и затем делили его на каждый двор по 8 сажень однополенных. Вообще, как отмечал современник, «дровяной лес сберегается обще всем селением», «и которые колонисты имеют излишние в домах печи, те должны покупными дровами довольствоваться» (РГИА, 1797-1807, л. 85). В Ижорской колонии преобладал дровяной лес, который использовали преимущественно на заборник (заготавливали из него жерди для изготовления изгороди – В.Ш.). Хищническое отношение к лесным ресурсам привело к тому,

что ямбургские колонии фактически остались без дров и строительного материала. Главной причиной тому стал выжег древесного угля на продажу в первые годы проживания колонистов.

Водворение колонистов на новом месте жительства было сопряжено с финансовыми расходами со стороны Казны. Выделяемые средства направлялись на строительство домов, приобретение необходимого инвентаря, семенного материала и прочие нужды. Действительным статским советником Захаром Андреевичем Хитрово было подсчитано, что на организацию Ижорской, Ямбургской, Новосаратовской и Среднерогатовской колоний Канцелярией опекунов иностранных было израсходовано более 200 тыс. руб. (ПСЗ-1, т. XXIV, № 18006). Эти средства, в соответствии с контрактами, колонисты должны были впоследствии возместить государству по прошествии 15 лет в течение последующего пятилетнего срока. Указанные суммы были оформлены как беспроцентные ссуды.

По прошествии десяти льготных лет с момента подписания контрактов, на которые они были освобождены от уплаты денежных и натуральных податей и повинностей, поселенцы должны были платить поземельную подать. Контрактом для всех колоний она была определена ежегодно в 1 руб. 22 ½ коп. с десятины удобной земли. Однако экономическое состояние петербургских колонистов в первые годы оказалось плачевным. Причины тому были различные. Так, ямбургские колонисты жаловались, что предоставленная им земля «не удобна, песчана и совсем к хлебопашеству не способна, а потому не в состоянии они там ни пропитания иметь, ни Короне подати платить» (РГИА, 1797-1807, л. 10 об.). Прочие колонисты также объявили себя «неимущими».

Однако директор петербургских колоний Федор Федорович Рогенбук, обследовавший Ижорские, Новосаратовские и Среднерогатовские колонии, был другого мнения. Он писал, что за «13 лет не прилагали они никакого старания в надлежащих местах сделать расчистки, провести рвы... в домах не выправлено ими ни малейшего починения и дворы не огорожены... живут по большей части в роскоши, пьют кофе и чай, часто имеют между собою собрание и употребляют вино и пиво» (Лебедева, 2016, 120).

Сложившаяся в колониях ситуация была подробно описана в докладе управляющего Конторой вотчинного правления Царского Села генерал-майора Аристарха Петровича Кашкина. Надо сказать, что он к тому моменту хорошо знал ситуацию в колониях, т.к. возглавлял Царскосельскую вотчинную контору, в ведении которой они находились, с 1763 г. В результате 12 марта 1779 г. именным указом для колонистов было объявлено послабление. Так, ново-саратовские и средне-рогатские должны были поземельный налог платить в половинном размере, а ижорские четвертую часть против положенного им впредь до нового указа (ПСЗ-1, т. XX, № 14854). Устанавливая новую

льготу, императрица распорядилась взыскивать поземельную подать с декабря 1779 г. «исправно и бездоимочно» (ПСЗ-1, т. XX, № 14854).

Указом от 13 ноября 1793 г. было принято решение взыскивать ежегодно с колоний: Средней Рогатки 542 руб. 26 коп. (6 руб. 30 коп. с человека), Ижорской – 398 руб. 30 коп. (3 руб. 75 коп.), Ново-Саратовки – 1218 руб. 75 коп. (5 руб. 37 коп.), Ямбургской – 156 руб. 51 $\frac{3}{4}$ коп. (1 руб. 93 $\frac{1}{4}$ коп.). Кроме того, было решено не взыскивать долг с Ямбургских колонистов в размере 137493 руб.85 коп. (ПСЗ-1, т. XXIV, № 18006).

Существенным послаблением для колонистов стала и своего рода ревизия выделенных им угодий. В ряде случаев землемерами были сокращены площади удобных земель за счет увеличения неудобных. Это, в свою очередь, позволило несколько сократить налогооблагаемую базу, ибо подать взималась лишь с удобных земель. Так, в середине 1790-х гг. в Ново-Саратовской колонии неудобная земля в 417 дес. (кочкарное и водяное болота) была исключена к взысканию поземельной подати (РГИА, 1797-1807, л. 4).

Все эти шаги способствовали адаптации колонистов к новым условиям жизни. Результат патерналистской политики в отношении переселенцев был виден уже в середине 1790-х гг. В ходе пятой ревизии (лето 1794 г.) чиновниками Канцелярии опекунов иностранных колонистов были составлены описания колоний, которые сопровождались статистическими и демографическими таблицами. На основе этих материалов мы можем восстановить особенности внутренней жизни колоний и их взаимосвязь с окружающим миром.

К концу XVIII в. на территории Санкт-Петербургской губернии в немецких колониях было учтено 127 хозяйств, которые зачастую представляли собой большие патриархальные семьи. При общей численности колонистов 995 чел. (500 м.п. и 495 ж.п.) людность такого двора колебалась от 7,6 чел. в Ижорских колониях и Ново-Саратовке до 8,4 чел. в Ямбургских колониях (Франкфуртской, Луцкой, Порховской).

Близость к столице, транспортная доступность, качество земель в значительной степени определили экономическую жизнь петербургских колоний на рубеже XVIII–XIX вв. Внешний вид колоний говорил многое о жизни ее жителей. Так, в описании колоний, составленных под руководством действительного статского советника З. А. Хитрово, мы находим данные о «колонии на Большой Царскосельской дороге близ Средней Рогатки». Современник отмечал, что колонисты проживают в домах, построенных за счет Казны. Кроме того, упоминаются и новые строения «как для собственного тех поселян употребления, так и для отдачи в наймы приезжающим в летнее время городским жителям» (РГИА, 1797-1807, л. 84). Жилые и хозяйственные постройки находились в хорошем состоянии.

Разительно отличался внешний вид Ново-Саратовки. Новых жилых строений в колонии не было. Лишь некоторые дома имели следы незначитель-

ного ремонта. Большая часть жилых и хозяйственных построек «приходит в ветхость, и хозяева малое имеют о них радение» (РГИА, 1797-1807, л. 88). В подтверждение тому указывается на то, что «у домов нет ни заборов, ни ворот» (РГИА, 1797-1807, л. 88). Диссонансом на этом фоне выступали лютеранская церковь, пасторский дом и народное училище. Завершали эту картину расположенные в центре колонии питейный дом и водочная лавка. Именно в них видели чиновники З.А. Хитрово и В.А. Озеров причину плохого положения дел в колонии, потому что у колонистов сформировалась «привычка к пьянству и разврату» (Лебедева, 2016, 125). И только при проведении очередной ревизии в 1795 г. чиновники признали, что земля по своему качеству не соответствует заявленной в межевых планах. Она в основном состояла из болота с мелким лесом.

Одной из наиболее острых проблем, стоявших перед жителями Петербурга и окрестностей, было снабжение водой. Удаленность, например, Средней Рогатки от водоемов подтолкнула колонистов к устройству в каждом дворе прудов. Это позволяло иметь воду как для бытовых, так и для хозяйственных нужд.

В отличие от поволжских колонистов, петербургские немцы в условиях недостатка земли сохранили подворную систему хозяйствования. Это нашло свое отражение в распределении земельных угодий. Даже лес, за исключением Ямбургских колоний, был разделен на семейные участки.

Землепользование в колониях было построено примерно по одной схеме. В условиях дефицита пригодной для хлебопашества земли под пашню отводилось не более 1,5 дес. На этом участке сеяли рожь, ячмень, овес. Отдельно сажали картофель. Разнообразить пищевой рацион позволяло выращивание огородных культур (преимущественно капуста, брюква, репе морковь). Огороды располагались между домами колонистов, что позволяло более рационально использовать скудные земельные ресурсы.

В условиях бедных почв Северо-Запада получить хороший урожай можно было лишь используя органические удобрения и совершенствуя систему севооборота. Средняя Рогатка оказалась новатором в использовавшейся агрикультуре. С одной стороны, как отмечалось в описании Хитрово, близость к городу позволяла получать в нужные объемы навоза как под хлеба, так и под картофель. Последний требовал навоза в больших объемах, т.к. для получения высоких урожаев требовалось если не ежегодное удобрение, то раз в два года.

Ново-саратовские колонисты оказались в более сложном положении. С одной стороны, они имели возможность привозить навоз из столицы зимой по льду Невы, а летом на наемных судах. Но, с другой стороны, транспортные расходы были столь значительны (от 50 до 60 коп. с воза), что вносить большое количество органики они могли лишь периодически. Это, разумеется, сказывалось на урожайности сельскохозяйственных культур.

Небольшой по числу жителей Ямбург и преобладание в его окрестностях крестьянского населения, ориентированного на хлебопашество и огородничество, не позволяли местным колонистам рассчитывать на покупку навоза. Последние должны были удовлетворять потребности за счет собственных ресурсов. Чиновники отмечали, что эта «причина и принуждает колонистов держать больше против прочих колоний скота» (РГИА, 1797-1807, л. 96). На один двор приходилось по две лошади, от четырех до пяти коров и несколько свиней.

Самая сложная ситуация сложилась в ижорских колониях. Удаленность от города и протяженность речного пути делали доставку навоза в колонии невыгодными. Но и решить проблему собственными силами, как это сделали ямбургские колонисты, «ижорцы» не могли: содержание многочисленного поголовья лошадей и коров требовало больших объемов сена, которого не хватало по причине непригодности выделенных земель для сенокоса. Трава здесь была, как говорили, «жидкая». Не помог и культурный высеv трав. Через два года посев превращался в мох (РГИА, 1797-1807, л. 87).

Немецкие колонисты с целью получения высоких урожаев проводили многочисленные эксперименты с севооборотом. В условиях высоких цен на продовольствие в столице следовало получать от земли максимальную отдачу и не допускать ее простаивания. Для немецких колони, например, была характерна следующая схема севооборота «пар – овес – картофель – рожь – пар». Следовательно, в течение одного года земля не использовалась и не приносила доход. Необходимо было уйти от системы пара, которая господствовала в это время в стране, и внедрить более совершенную.

Наибольших успехов смогли получить несколько семей в Средней Рогатке. До 1804 г. все колонисты ориентировались на систему трехполья. Затем они обратили на себя внимание Степана Семеновича Джунковского (1762 – 1839 гг.), занимавшего в те годы пост советника Экспедиции государственного хозяйства. По его инициативе несколько колонистских семей перешли на плодосеменное земледелие: «разделив всю свою пахотную землю на полосы по удобности, вспахивают оные и засевают ежегодно разного рода хлебом и овощами» (РГИА, 1808, л. 22 об.). Первый же опыт 1804 г. оказался крайне успешным. Как следствие, «все вообще поселяне добровольно согласились принять сие учреждение» (РГИА, 1808, л. 23). И вновь результат превзошел ожидания: с площади, ранее отводившейся под пар, получили хлебом или овощами доход на 9 руб.

Новаторство немецких колонистов имело важное значение для развития земледелия не только в регионе, но и стране в целом. О полученных успехах Джунковский доложил управляющему санкт-петербургскими колониями. Будучи членом и секретарем Императорского Вольного экономического общества, он считал необходимым всячески поощрять стремление к усовершенствованию народного хозяйства. Исходя из этого, в 1808 г. он инициировал

перед вышестоящим начальством награждение трех колонистов-пионеров (шульца колонии Штерна, колонистов Христиана Маса и Адама Бауэра) медалями. Эта инициатива была положительно встречена министром внутренних дел князем Алексеем Борисовичем Куракиным, который и представил результаты эксперимента в своем докладе императору Александру Первому. Последний же «в знак благоволения своего и в поощрение их к дальнейшим успехам в земледелии, Высочайше пожаловать соизволил ... первым двум серебряные медали с надписью «За полезное» для ношения на шее на алой ленте, а последнему большую серебряную медаль с изображением снопа в подарок» (РГИА, 1808, л. 30 об.).

Медали в двух видах были выданы в Кабинете Его Императорского Величества и по распоряжению главноуправляющего Д.А. Гурьева отправлены князю Куракину. Уже 5 сентября 1808 г. на мирском сходе колонии Средняя Рогатка Семеном Джунковским были вручены медали немецким колонистам, а 6 сентября ими были написаны расписки в их получении (РГИА, 1808, л. 36).

Основными сельскохозяйственными культурами в посевах колонистов были хлеба (рожь, овес, ячмень). Однако их урожайность была низкой и составляла в среднем от сам-2 в Ижорских колониях до сам-4 – сам-6 в Средней Рогатке. Но и собранного урожая часто не хватало. Особенно это относилось к овсу, который приходилось постоянно докупать на корм скоту.

Важное место в структуре посева занимал картофель. Именно он стал для колонистов основной товарной культурой. При регулярном удобрении поля колонисты Средней Рогатки получали высокий урожай (сам-3 – сам-4), который затем продавали в столицу. Каждая семья в среднем реализовывала ежегодно до 100 четвертей картофеля (ок. 13 т), зарабатывая от 150 до 250 руб. (РГИА, 1797-1807, л. 85). В прочих колониях также занимались выращиванием картофеля на продажу, но объемы и доходы были гораздо скромнее.

В некоторых колониях на рубеже XVIII–XIX вв. специализировались на выращивании и других огородных культур. Так, в Средней Рогатке все семьи имели посадки капусты. В некоторых случаях урожай составлял 300 до 1 тыс. кочанов (РГИА, 1816, л. 3). Луцкая колония под Ямбургом отличалась не только товарным производством капусты (почти 10,5 тыс. кочанов в 1815 г.), но и брюквы (РГИА, 1816, л. 8).

Животноводство имело двойственный характер для поселян. Как уже отмечалось ранее, в ямбургских колониях оно было главным источником органики для удобрения полей и огородов. Но близость к Санкт-Петербургу, Нарве, Павловску, Царскому Селу способствовало и развитию товарного разведения крупного рогатого скота. Молоко, сливки, животное масло пользовались спросом у городских обывателей.

Не только сельское хозяйство давало петербургским немцам доход. Проживая вдоль Большой Царскосельской дороги и вблизи Колпино некоторые из них промышляли дачным промыслом, сдавая в летний период или

праздники свободные комнаты (РГИА, 1797-1807, лл. 85 об., 86 об.). Средне-рогаткинские колонисты летом и осенью собирали на полях камни, которые зимой продавали в Санкт-Петербурге. Ижорцы нередко в зимнее время занимались извозом, подражаясь перевозить лес получая за это денежную плату. В Средней Рогатке по причине малоземелья некоторые колонисты стали переходить к промышленным промыслам. Так, в конце XVIII в. В колонии было три кузницы, а на замшевой фабрике, принадлежавшей одному из колонистов, шили перчатки для продажи в столице. Нередко младших сыновей в больших семьях отдавали в ученики в ремесленные мастерские (РГИА, 1797-1807, л. 86). Эта практика в XIX в. была широко распространена и в прочих немецких колониях.

Выводы

Таким образом, в течение 1765 г. – 1790-х гг. в окрестностях Санкт-Петербурга возникли и экономически окрепли немецкие колонии, основанные по инициативе императрицы Екатерины II. Поселенцам были выделены казенные земли, за счет государства были выстроены дома и хозяйственные постройки, выделены беспроцентные ссуды на покупку инвентаря, семенного материала и прочих необходимых товаров. Однако не все переселенцы смогли обосноваться в непростых природно-климатических условиях Северо-Запада. Болотистая тяжелая земля, доставшаяся некоторым семьям в Ямбургских колониях, оказалась непригодной к хлебопашеству. Даже размещенные вблизи Санкт-Петербурга колонисты испытывали большие сложности (колонии Средняя Рогатка и Ново-Саратовка). Как следствие, часть петербургских немцев-колонистов вынуждена была просить об их переселении в Новороссию.

Оставшимся в так называемых ближних колониях выходцам из германских земель потребовалось около 30 лет для адаптации в новых общественных, экономических, социальных, культурных условиях. Результатом стало появление капиталистических по своему характеру аграрных поселений, которые не только обеспечивали столицу и близлежащие города продуктами питания, но стали в начале XIX в. образцом для подражания и эталоном рачительного хозяйственника.

Список литературы

- Bade, K. J. (Ed.). (1992). *Deutsche im Ausland, Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart* [Germans Abroad, Strangers in Germany: Migration in the Past and Present]. C.H. Beck. (In German).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration* [Germans in St. Petersburg 1865-1914: Identity and Integration]. Klartext-Verlag. (In German).

- Eisfeld, A. (1992). Die Russlanddeutschen [The Russian Germans]. In *Studienbuchreihe der Striftung Ost-deutscher Kulturrat* [Study book series of the East German Cultural Council Foundation] (Vol. 2). F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH. (In German).
- Fleischhauer, I. (1986). *Deutschen in Zarenreich* [Germans in tsardom]. Stuttgart. (In German).
- Stricker, G. (Ed.). (1997). *Deutsche Geschichte im Osten Europas: Rußland* [German History in Eastern Europe: Russia]. Siedler. (In German).
- Stumpp, K. (1964). *Die Russlanddeutschen: Zweihundert Jahre unterwegs* [The Russian Germans: Two hundred years on the road]. Pannonia-Verlag. (In German).
- Бахмутская, Е. В. (1998). Организация приема и расселения немецких колонистов в С.-Петербургской губернии в период правления императора Александра I. В *Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г.* (с. 73–86). Готика.
- Бахмутская, Е. В. (2002). *Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии, 1760-е–1870-е гг.* (с. 320) [Диссертация кандидата исторических наук]. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Велицын, А. А. (1893). *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России.* Типография «Общественная польза».
- Герман, А. А. (2021). Этничность в моей жизни. *Этнография*, 12(2), 194-221. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2\(12\)-194-221](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2(12)-194-221)
- Гернет фон, А. (1910). *Немецкая колония Стрельна под Санкт-Петербургом. 1810 – 1910. Юбилейный листок в память столетия существования колонии.* Санкт-Петербург.
- Князева, Е. Е. (1998). Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев. В *Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г.* (с. 63–72). Готика.
- Лебедева, Е. В. (2016). Петербургские немецкие колонии глазами столичных чиновников (по архивным документам второй половины XVIII века). В *Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII-XX вв. Выпуск 10* (с. 117–128). Санкт-Петербург.
- Плеве, И. Р. (2008). *Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в.* (3-е изд.). АОО «Международный союз немецкой культуры».
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.-а). Издание I. Т. XX. № 14854.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.-b). Издание I. Т. XXIV. №18006.
- Пузейкина, Л. Н. (2013). *Немцы в Санкт-Петербургской губернии: История, язык, песни.* Нестор-История.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1797-1807). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1808). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1152.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1816). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1180.
- Сакс, Г. (1931). *Работа среди национальных меньшинств: Опыт Ленинградской области.* Ленинград.
- Черказьянова, И. В. (2010). *Немецкая колония в Стрельне: Образы прошлого и настоящего. В Константиновские чтения – 2010: Константиновичи и Стрельна (к 510-летию*

- Стрельны): сборник материалов научной конференции 27 октября 2010 г. (с. 112–129).
Летопись.
- Шрадер, Т. А. (1998a). Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. И в первые два десятилетия XX в. В Л. В. Славгородская (Ред.), *Немцы в России: Люди и судьбы: Сборник статей* (с. 81–100). Санкт-Петербург.
- Шрадер, Т. А. (1998b). Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время. В Н. В. Юхнева (Ред.), *Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования* (с. 132–140). б.и.
- Янсон, П. М. (1929). *Национальные меньшинства Ленинградской области: Сборник материалов*. Ленинград.

References

- Bade, K. J. (Ed.). (1992). *Deutsche im Ausland, Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart [Germans Abroad, Strangers in Germany: Migration in the Past and Present]*. C.H. Beck. (In German).
- Bakhmutskaya, E. V. (1998). Organization of reception and resettlement of German colonists in St. Petersburg province during the reign of Emperor Alexander I. In *Migration processes among Russian Germans: A historical aspect. Materials of the International Scientific Conference. Anapa, September 26–30, 1997.* (pp. 73–86). Gotika. (In Russian).
- Bakhmutskaya, E. V. (2002). *German colonies in St. Petersburg Province, 1760s–1870s.* [PhD Thesis]. St. Petersburg State University. (In Russian).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration [Germans in St. Petersburg 1865–1914: Identity and Integration]*. Klartext-Verlag. (In German).
- Cherkazyanova, I. V. (2010). The German Colony in Strelna: Images of the Past and the Present. In *Konstantinovsky Readings - 2010: Konstantinovich and Strelna (for the 510th anniversary of Strelna): Proceedings of the scientific conference on October 27, 2010.* (pp. 112–129). Letopis. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). (n. d.-a). Edition I. Vol. XX. No 14854. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). (n. d.-b). Edition I. Vol. XXIV. No 18006. (In Russian).
- Eisfeld, A. (1992). Die Russlanddeutschen [The Russian Germans]. In *Studienbuchreihe der Stiftung Ost-deutscher Kulturrat [Study book series of the East German Cultural Council Foundation]* (Vol. 2). F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH. (In German).
- Fleischhauer, I. (1986). *Deutschen in Zarenreich [Germans in tsardom]*. Stuttgart. (In German).
- German, A. A. (2021). Ethnicity in My Life. *Etnografija*, 12(2), 194–221. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2\(12\)-194-221](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-2(12)-194-221) (In Russian).
- Gernet von, A. (1910). *The German colony of Strelna near St. Petersburg. 1810–1910. Jubilee leaflet commemorating the centenary of the colony's existence.* St. Petersburg. (In Russian).
- Jansson, P. M. (1929). *National Minorities of the Leningrad Region: Collection of Materials.* Leningrad. (In Russian).

- Knyazeva, E. E. (1998). Materials of RSHA on the history of Lutheran rural parishes in the territory of St. Petersburg province in connection with the resettlement of Germans. In *Migration processes among Russian Germans: A historical aspect. Materials of the International Scientific Conference. Anapa, September 26-30, 1997.* (pp. 63–72). Gotika. (In Russian).
- Lebedeva, E. V. (2016). St. Petersburg German colonies through the eyes of the capital's officials (according to the archival documents of the second half of the 18th century). In *Germans in St. Petersburg: Biographical Aspect. 18th - 20th Centuries. Issue 10.* (pp. 117–128). St. Petersburg. (In Russian).
- Pleve, I. R. (2008). *German colonies on the Volga in the second half of the 18th century.* (3rd ed.). International Union of German Culture. (In Russian).
- Puseikina, L. N. (2013). *Germans in St. Petersburg Province: History, Language, and Songs.* Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Sax, G. (1931). *Work among national minorities: Experience of the Leningrad Region.* Leningrad. (In Russian).
- Schrader, T. A. (1998a). Settlements of German peasant colonists in St. Petersburg Province in the nineteenth century and the first two decades of the twentieth century. In L. V. Slavgorodskaya (Ed.), *Germans in Russia: People and Destinies: Collection of Articles* (pp. 81–100). St. Petersburg. (In Russian).
- Schrader, T. A. (1998b). Legal and Cultural Adaptation of German Colonists in Petersburg Province in the Post-Reform Period. In H. V. Yuhneva (Ed.), *Petersburg and the Province: Historical and Ethnographic Studies* (pp. 132–140). n.p. (In Russian).
- Stricker, G. (Ed.). (1997). *Deutsche Geschichte im Osten Europas: Rußland [German History in Eastern Europe: Russia].* Siedler. (In German).
- Stumpp, K. (1964). *Die Russlanddeutschen: Zweihundert Jahre unterwegs [The Russian Germans: Two hundred years on the road].* Pannonia-Verlag. (In German).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (1797-1807). F. 383. In. 29. C. 1138. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (1808). F. 383. In. 29. C. 1152. (In Russian).
- The Russian State Historical Archive (RSHA). (1816). F. 383. In. 29. C. 1180. (In Russian).
- Velitsyn, A. A. (1893). *The Germans in Russia. Essays on the Historical Development and Present Situation of the German Colonies in Southern and Eastern Russia.* Tipografija "Obshhestvennaja polza". (In Russian).